

Засодимский Павел Владимирович

Легенды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Легенды / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 134 с.

ISBN 978-5-519-85787-1

ISBN 978-5-519-85787-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

бѣгали по опустѣвшимъ селеньямъ“. Крестьяне кое-гдѣ волновались, хватались за топоры и колья и шли войной на замки. Мѣстами происходили землетрясенія. Уныніе, страхъ и трепетъ царили на землѣ.

Арденскій край, заслонившись отъ окружающаго его міра своими лѣсами и горами, избавился отъ нашествія Черной Смерти, и голодъ не доходилъ въ немъ до такихъ ужасовъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ ту пору замкомъ Борегаръ-Маро и прилежащими къ нему землями владѣлъ графъ Луи-Филиппъ-де-Борегаръ. Ему не было еще года отъ роду, когда отецъ его, Генрихъ Борегаръ, въ сраженіи при Моргартенѣ, былъ убитъ каменной глыбой, брошенной съ высоты швейцарцами. Луи минуло лишь 14 лѣтъ, когда умерла его мать, и онъ остался на попеченіи дяди своего, Карла Борегара. Старикъ привыкъ къ племяннику и навсегда остался у него въ замкѣ въ качествѣ управителя-мажордома. Въ то время, къ которому относится легенда, графу Луи Борегару было 33 года, — и половину своей жизни онъ провелъ на конѣ, въ походахъ и битвахъ. Онъ былъ настоящее дитя своего вѣка: мужественный, отважный, обладавшій желѣзною силой, нрава воинственнаго, суроваго, но, не смотря на суровость—доступный нѣжнымъ чувствамъ. Онъ слылъ для своей эпохи человекомъ весьма образованнымъ, начитаннымъ, зналъ по-

латыни и по-итальянски, писалъ стихами воспомина-
нiя о геройскихъ подвигахъ рыцарей и воспѣ-
валъ любовь, любви еще не испытавши. Графъ
былъ суровъ, но не жестокъ: онъ не пилъ кровь
своихъ вассаловъ, не притѣснялъ беззащитный людъ,
не разбойничалъ на большихъ дорогахъ, подобно
нѣкоторымъ изъ его сосѣдей. Напротивъ, онъ самъ
преслѣдовалъ разбой, — и дикiй арденскiй край,
представлявшiй надежное убѣжище для разбойничь-
ихъ шаяекъ, сталъ при немъ такъ безопасенъ, что
купеческiе караваны, навьюченные дорогимъ това-
ромъ, шли безъ всякаго прикрытiя по тамошнимъ
трущобамъ и пустырямъ. Не даромъ-же одинъ изъ
монаховъ-лѣтописцевъ сказалъ, что „пятакъ не было
на гербѣ Борегара“.

Незадолго до описываемыхъ происшествiй, графъ
Борегаръ участвовалъ въ злополучномъ сраженiи
при Кресси, бился отчаянно и весь израненный,
истекающiй кровью, какимъ-то чудомъ, спасся отъ
отряда англичанъ, съ ожесточенiемъ наступавшихъ
на него подъ предводительствомъ самого короля
Эдуарда. Еще живой, добрался онъ до своего ар-
денскаго замка, нѣсколько времени лежалъ при
смерти, но желѣзное здоровье его взяло свое. Че-
резъ два мѣсяца графъ Луи былъ уже на ногахъ,
и только блѣдность, сквозившая изъ-подъ загара
его лица, напоминала о перенесенныхъ имъ стра-
данiяхъ.

Графъ Луи былъ мужчина очень крупныхъ раз-

мѣровъ, высокій, широкоплечій, съ замѣчательно развитыми мускулами и притомъ стройный и гибкій. Голова у него была прекрасной, античной формы; лицо овальное, большой, бѣлый лобъ и надъ нимъ короткіе, выющіеся свѣтлорусые волосы, большіе голубые глаза, ясные и смѣлые, и красивый греческій носъ. Его пріятное, открытое лицо внушало къ себѣ довѣріе. Бѣлый шрамъ, происходившій отъ удара мечомъ и пересѣкавшій его лѣвую щеку, ни мало не портилъ общаго хорошаго впечатлѣнія. Въ этомъ человѣкѣ мощь геркулеса счастливо соединялась съ пластической красотой Аполлона. Правильность чертъ его лица одухотворялась выраженіемъ доброты и благородства.

Въ замкѣ, кромѣ дяди Луи Борегара, жила еще его больная сестра, вдовствующая графиня Марія, бывшая замужемъ за Жоржемъ Воминкуромъ, изъ дома Воминкуровъ лотарингскихъ. Не смотря на всевозможныя лѣченья, она уже два года не вставала съ постели. Въ замкѣ постоянно жилъ врачъ.

Триста воиновъ, составлявшихъ регулярный отрядъ, жили частью въ замкѣ, частью въ деревнѣ; кромѣ этихъ воиновъ, уже испытанныхъ въ бою, графъ Борегаръ всегда въ минуту необходимости могъ призвать къ оружію до 600 своихъ вассаловъ.

II.

Лѣто 1347 года стояло сухое и знойное.

Свободные часы графъ Борегаръ, обыкновенно, проводилъ въ западной башнѣ. Онъ любилъ этотъ уголокъ: здѣсь была тѣнь, прохлада, а по вечерамъ во время солнечнаго заката красноватое освѣщеніе, озарявшее внутренность башни, такъ пріятно скрашивало и оживляло сѣрые, холодные тоны ея голыхъ каменныхъ стѣнъ.

Обстановка этого покоя была самая незатѣйливая: дубовый столъ,—передъ нимъ складной табуретъ; у окна скамья, крытая краснымъ сукномъ, на полу передъ ней, вмѣсто ковра, медвѣжья шкура; въ углу у двери нѣсколько копій и неуклюжій аркебузъ; на стѣнѣ большія кожаныя перчатки, мечъ и щитъ съ грубо вырѣзаннымъ по срединѣ его горделивымъ девизомъ фамиліи Борегаровъ: „L'honneur pour moi“. Единственнымъ украшеніемъ западной башни былъ великолѣпный кипрскій коверъ, висѣвшій на стѣнѣ противъ стола: на томъ коврѣ была выткана какая-то восточная красавица съ голой грудью и съ голыми руками, покоющаяся на пышномъ ложѣ, а передъ нею на колѣняхъ мальчикъ-аранъ, съ шапкой черныхъ курчавыхъ волосъ на головѣ, держащій раскрытую шкатулку съ драгоценностями; по сторонамъ этой группы виднѣлись высокія курильницы и склонялись ярко

зеленые листья тропических растений. Одинъ изъ Борегаровъ-крестоносцевъ привезъ этотъ коверъ съ востока.

Наступалъ вечеръ послѣ томительно жаркаго дня, но въ воздухѣ не вѣяло прохлады. Солнце уже начинало заглядывать въ высокія, узкія окна западной башни. Въ замкѣ было тихо. Графъ Луи сидѣлъ, облокотившись на столъ и опустивъ голову на руку. Свѣтлорусыя пряди короткихъ выющихся волосъ падали ему на лобъ. Передъ нимъ лежала толстая рукописная книга въ черномъ кожаномъ переплетѣ съ массивными серебряными застѣжками. Переписчикъ, очевидно, постарался, — и начальныя буквы въ книгѣ были искусно разрисованы красной, голубой, зеленой краской и золотомъ. Тутъ же на столѣ стоялъ небольшой кувшинъ съ виномъ, лежалъ кинжалъ и на него былъ брошенъ чернѣйшій бархатный беретъ... Графъ былъ въ своемъ обычномъ домашнемъ костюмѣ — въ полукафтанѣ изъ бѣлой, серебристой матеріи и въ сѣрыхъ штанахъ — очень узкихъ, по покрою того времени, и плотно обхватывавшихъ его ноги. Полукафтанъ его походилъ на куртку въ обтяжку съ такими короткими полами, что онѣ едва прикрывали нижнюю часть туловища, стянутую по талии. На поясѣ сбоку спускалась небольшая серебряная цѣпочка для подвѣшиванія кинжала.

Графъ Луи читалъ съ увлеченіемъ, и на губахъ его порой мелькала грустная улыбка... Оба

окна были раскрыты, и въ нихъ виднѣлось безоблачное синее небо. Смолистый запахъ лѣса врывался въ башню. На карнизѣ одного изъ оконъ сидѣлъ голубь и тихо ворковалъ, кивая своею спиною головкой... Надъ одной страницей графъ остановился, помедлилъ и нѣкоторыя мѣста ея сталъ вслухъ перечитывать вполголоса:

... „Нѣтъ большого мученья,
 Какъ о порѣ счастливой вспомнить
 Въ несчастіи...
 Ты хочешь страсти первый корень знать?
 Скажу, какъ тотъ, который вѣсть печали
 Несетъ и долженъ самъ страдать.
 Однажды мы, въ мигъ счастія, читали,
 Какъ Ланчелотъ въ безуміи любилъ;
 Опасности быть вмѣстѣ мы не знали.
 Не разъ въ лицѣ румянца гаснулъ пылъ
 И взоръ его встрѣчалъ мой взоръ безпечный;
 Но злой романъ въ тотъ мигъ насъ побѣдилъ,
 Когда прочли, какъ поцѣлуй сердечный
 Былъ приманенъ улыбкою къ устами,
 И тотъ, съ кѣмъ я ужъ не расстаюсь вѣчно,
 Затрениставъ, припалъ къ моимъ губамъ...
 Былъ Галеотто—авторъ книги гнусной!..
 Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ“...

Борегаръ всталъ, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ и подошелъ къ окну. Голубь съ шумомъ сорвался съ карниза и скоро потонулъ въ зеленой дали.

— Въ тотъ день мы дальше не читали,—повторилъ графъ вполголоса, садясь на подоконникъ и разсѣянно взглядывая на картину мирно угасавшаго лѣтняго вечера.

Изъ окна высокой башни ему были видны зе-

ленные арденскіе лѣса, уходившіе далеко на западъ и пропадавшіе въ синеватомъ туманѣ. Въ тотъ часъ лѣса стояли тихо, не шелхнувшись, и вершины ихъ, залитыя красноватымъ свѣтомъ, ярко горѣли въ огнѣ заката... Тонкій греческій профиль съ заостреной бородкой, стройный станъ и вся могучая фигура графа Борегара теперь, когда онъ сидѣлъ въ амбразурѣ окна, рѣзко обрисовывались на свѣтломъ блещущемъ фонѣ голубого неба. Графъ не любовался на развертывавшуюся передъ нимъ громадную лѣсную панораму. Онъ прислонился спиной къ стѣнѣ глубокой оконной ниши и, обхвативъ руками колѣно, задумчиво смотрѣлъ въ сіяющую даль. Этотъ тихій вечеръ, щебетанье птичекъ и доносившійся до него запахъ лѣсныхъ цвѣтовъ пробудили въ немъ одно воспоминаніе изъ недавняго прошлаго, и это воспоминаніе—живое и яркое—промелькнуло передъ нимъ, какъ на картинѣ. Борегаръ встрѣтился съ *нею* весной, когда деревья уже покрылись нѣжной зеленью, луга пестрѣли цвѣтами и весело щебетали птицы...

Въ ясный и свѣтлый день — въ день веселый перваго мая—онъ возвращался въ замокъ по знакомой лѣсной дорогѣ. Это было вскорѣ послѣ того, какъ зажили его раны. Не смотря на слабость и утомленіе отъ верховой ѣзды, онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Никогда еще, кажется, онъ не чувствовалъ такъ глубоко всю радость жизни, какъ теперь, оправившись послѣ тяжелой бо-

лѣзни... Тѣнь смерти уже витала надъ нимъ. Въ темныя зимнія ночи, когда вокругъ стѣнъ замка яростно бушевалъ вѣтеръ и сосѣдніе лѣса глухо шумѣли, уже не разъ видѣнія, предшествующія смертному сну, осаждали его. Теперь онъ чувствовалъ себя воскресшимъ... Опять онъ видѣлъ надъ своей головой и солнце, и голубое небо, и бѣлыя, легкія, какъ пухъ, весеннія облачка, безслѣдно скользившія по лазури. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя здоровый, лѣсной воздухъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, набирался новыхъ, свѣжихъ силъ. Онъ любовался, какъ тамъ и сямъ на яркой весенней зелени всеело игралъ солнечный лучъ, пробиваясь сквозь чащу деревьевъ. Съ какимъ-то дѣтски-радостнымъ чувствомъ, съ чувствомъ тихаго, душевнаго довольства смотрѣлъ онъ на расходившуюся вокругъ него лѣсную глушь, на цвѣты, пестрѣвшіе въ травѣ, и на красивыхъ, ярко окрашенныхъ бабочекъ, летавшихъ надъ кустами и издали казавшихся цвѣтами, сорвавшимися со своихъ стеблей... Сѣрый конь его шелъ тихимъ шагомъ.

Вдругъ на поворотѣ дороги, въ золотисто-зеленой дали, показалась группа всадниковъ. Боре-гаръ, привставъ на стременахъ, внимательно посмотрѣлъ впередъ... Ъхала дама, за нею—нѣсколько вооруженныхъ людей. Лѣсная дорога была узка,—графъ взялъ немного въ сторону и продолжалъ ѣхать шагомъ подъ нависшими вѣтвями деревьевъ.

Дама ѣхала на прекрасной вороной лошади и,

очевидно, сдерживала се не безъ труда. Лошадь порывалась впередъ, и ея кровью налитые глаза, широко раздувшіяся ноздри и бѣлая пѣна, ключьями висѣвшая на удилахъ, указывали на ея горячій, безпокойный нравъ. Узда, попона и сѣдло были украшены серебромъ. Дама — еще очень молодая (лѣтъ 22—23), высокаго роста, довольно полная, стройная, ловко сидѣла на конѣ въ своей синей амазонкѣ и въ шляпѣ того-же цвѣта съ пунцовымъ перомъ, спускавшимся ей на плечо. Темные локоны вились изъ-подъ шляпы. По модѣ того времени на рукахъ ея были длинныя свѣтлыя перчатки, расширявшіяся повыше кисти. Блѣдно-алая роза была приколата на груди; длинный вуаль откинуть на спину, и легкій вѣтерокъ игралъ имъ. Смуглое лицо этой молодой женщины съ большими, темными глазами и съ густымъ румянцемъ на щекахъ было поразительно красиво, и отъ всего существа ея, пышущаго молодостью и здоровьемъ, такъ и вѣяло всѣмъ обаяніемъ, всемогуществомъ женскихъ прелестей.

Поровнявшись съ дамой, графъ Борегаръ почтительно приподнялъ шляпу. Красавица въ отвѣтъ на его привѣтствіе слегка склонила голову и украдкой, всколзь посмотрѣла на графа изъ-подъ темныхъ, полуопущенныхъ рѣсницъ. Мимолетенъ былъ взглядъ ея темныхъ глазъ, но графъ уловилъ его, — и сердце его сильно забилося. Этотъ взглядъ, казалось, обжогъ его...

За дамой слѣдомъ на небольшой гнѣдой лошади ѣхалъ пажъ — полуюноша, полудитя — мальчикъ лѣтъ 16, голубоглазый, съ бѣлымъ, нѣжнымъ лицомъ и съ розовыми щеками, покрытыми легкимъ налетомъ загара. На его бѣлокурыхъ, выющихся и длинныхъ волосахъ, отливавшихъ золотомъ на солнцѣ, была надѣта голубая бархатная шапочка съ бѣлымъ перомъ. Голубая куртка съ бѣлымъ плоеннымъ воротникомъ плотно обтягивала его легкій, граціозный станъ. Юноша такъ подозрительно и грозно посмотрѣлъ на графа Борегара, что тотъ не могъ удержаться отъ улыбки... За пажомъ ѣхало около десятка вооруженныхъ людей.

Борегаръ никогда не видалъ эту даму, но онъ уже догадывался: кто она. Это, конечно, жена его сосѣда и его давнишняго врага, Рауля Тусенеля.

Мессирю Раулю Тусенелю было уже 60 лѣтъ. Около 40 лѣтъ тому назадъ, онъ поселился въ Арденахъ. Между имъ и старымъ графомъ Борегаромъ завязался споръ изъ-за одного клочка земли, тянувшейся по берегу рѣчки. Два раза обращались они за разрѣшеніемъ своей тяжбы къ феодальному суду, и дважды судъ постановлялъ приговоръ въ пользу Борегара. Последнее столкновеніе изъ-за этого несчастнаго клочка земли произошло 15 лѣтъ тому назадъ между Тусенелемъ и нынѣшнимъ владѣльцемъ замка Борегаръ-Маро. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что графъ Луи тогда былъ еще очень юнъ, а его дядя и мажордомъ, Карль